

М. Л. ЛУРЬЕ

СЛУЖБА В АРМИИ КАК «ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ»

Женщиной становятся за одну ночь, а мужчиной за 1,5 года. Так выпьем же за то, чтобы эти 1,5 года пролетели, как одна ночь.

Из блокнота солдата-срочника

Уезды дрожат от солдатского флирта...

М. Светлов

Я едва ли буду оригинален, если скажу, что с антропологической точки зрения срочная служба в Вооруженных силах — это прежде всего один из основных современных институтов половозрастной инициации. Об этом свидетельствует общераспространенное представление, что «каждый парень должен отслужить», до сих пор устойчивое во многих социальных слоях восприятие попыток избежать призыва в армию как недостойного мужчины поведения, а не служивших, соответственно, как в некоторой степени неполноценных, несостоятельных в гендерном отношении (в частности, в крестьянской среде — как нежелательных женихов). Приведем характерный в этом отношении фрагмент одного из наших интервью: «Сейчас свою деревню взять — полдеревни “дураков”. Ну, вот которые не были в армии, закосили по дурке. Сейчас в кулке учусь, так там вообще большинство, все парни — все “дураки”» (7). Заметим, что автор высказывания, молодой сельский культурработник, — человек достаточно современных взглядов и не считает армейскую службу чем-то действительно необходимым. И тем не менее в его тексте звучат легко уловимые нотки насмешки над нынешней молодежью, готовой во избежание службы засвидетельствовать себя «дураками». И едва ли будет преувеличением сказать, что практически каждому мужчине старше двадцати — двадцати двух лет не раз, особенно в ситуации случайного знакомства, приходилось слышать вопрос: «В армии служил?» — причем вопрос этот, как правило, имеет аксиометрический характер.

Показательно, что многие тексты армейских стихотворных сентенций представляют собой двухчастные местоименно-соотносительные конструк-

ции с контактной рамкой типа *кто не... тот не...* Синтаксис подобных изречений соответствует их основной прагматике — обозначить границы престижной общности и идентифицировать себя как ее члена, отгородившись от «профанного мира»:

Друган ты верь! Придет приказ,
Который мы так долго ждали.
Кто не был здесь, тот не поймет,
Как до него мы дни считали! (1).

Кто не слышал сигналов тревоги
Кто не брал на ходу автомат
Сапогами не мерил дороги
Тот не знает жизни солдат (3):

Или еще более радикальное:

Кто не носил сапог солдатских,
Кто не хлебал солдатских щей,
Блокнот пускай закроет этот
Не для таких его писал (1).

Количество примеров здесь можно было бы умножить. Среди такого рода фольклорных текстов «ограничительно-выделительного» содержания свою — и немалую — долю имеют те, в которых срочная служба представлена не просто как особый и важный опыт, но как условие обретения гендерного качества.² Приведем ряд примеров, взятых из одного солдатского блокнота (3):

Кто не был солдатом, кто пыль не глотал
Кто в дождь и пургу на посту не стоял.
Он разве мужчина? Он жизнь не видал
Спокойно под маминым крылышком спал.
Он эти строки не должен читать
Солдатские письма ему не понять.

Не смей считать себя мужчиной
Пока в строю не побывал

¹ Здесь и далее при цитировании сохраняется пунктуация источников.

² Не случайно Е. Кулешов, составляя фольклорное приложение к находящейся в печати статье об армейской субкультуре (совместной с В. Головиным и автором этих строк), включил в идейно-тематическую рубрику особый раздел «Армия формирует мужчин».

И автомат с противоголозом
На марш-броски не потаскал.

Запомни истину одну,
О ней слагаются былины:
Приходят в армию юнцы,
А возвращаются мужчины.

Дело, однако, не исчерпывается стереотипными мнениями, речевыми штампами и фольклорными манифестациями. Логикой гендерного строительства пронизаны практически все установления и базовые идеи солдатской «неуставной» общины. Речь идет прежде всего о системе социальных отношений и актуальных для нее концептов. Как известно, новобранец, попадая в учебку (или карантин), а потом в часть, оказывается членом закрытой иерархически организованной социальной группы, неписанные законы которой — так называемые «неуставные отношения», или *неуставняк* — непреложны для каждого.³ В самом общем виде законы эти сводятся к следующему. Положение солдата определяется тем, сколько он отслужил. Старослужащие солдаты (отслужившие год) имеют практически неограниченную власть над новичком и проявляют эту власть в повседневном его *припахивании* — принуждении исполнять тяжелые работы и рискованные задания — и *чморении* — ритуализованных истязаниях и унижениях. На первых этапах службы солдат практически лишен возможности распоряжаться своим свободным от армейских занятий временем (его могут в любой момент разбудить, *припахать*), пространством (его скидывают с собственной койки, отправляют в любую точку и изгоняют из любого места), собственностью (его тумбочку и посылки из дома «контролируют» старослужащие), ресурсами внешности (за допущение недозволенных вольностей в индивидуальном экстерьере следует жестокое наказание). С каждым прослуженным по-

³ Речь в данном случае идет о типовой, стандартной ситуации, какой она была (и отчасти еще остается) в большинстве военных частей. Разумеется, уровень жестокости и неизбежности неуставных «испытаний» во многом зависел и от рода войск, и от традиций конкретной части, и от позиции прапорщиков и офицеров, и, наконец, в каждом отдельном случае — от того, каким образом изначально поставит себя солдат перед старшими сослуживцами и однопризывниками: окажется ли он в положении *лоха* или сумеет сразу завоевать исключительный авторитет, позволяющий оградить себя от наиболее радикальных проявлений дедовщины или вообще поставить вне неуставной системы отношений. Последнее возможно, в частности, для новобранца, обладающего исключительной физической силой (и/или профессиональными спортивными навыками самообороны) и в первые дни сумевшего продемонстрировать это в столкновениях с *дедами*. Существует и множество других нюансов, корректирующих положение каждого индивидуума в армейском социуме.

лугодием статус срочника повышается, что оформляется специальными обрядами *перевода*. Через год солдат получает качественно иную степень свободы и из «раба» превращается в «господина», обретая право (и даже обязанность) *чморить* и *припахивать* новичков.⁴

С точки зрения самой армейской субкультуры вышеописанная система отношений не лишена высшей идеи. Дело в том, что, как отмечается во многих рассказах бывших солдат-срочников, суровой мужской школой жизни делают армию не дисциплина, не учения, не работы, не строевая и физическая подготовка — одним словом, не те тяготы военной службы, образами которых наполнены тексты альбомных стишков, а именно *неуставные* испытания. Когда по прошествии года службы качественно уменьшается степень зависимости солдата как от армейских начальников, так и от старших сослуживцев, когда он получает право на относительно вольготную жизнь и власть над другими, эта перемена осознается как закономерная, выслуженная, выстраданная тем бесправием, трудом, унижениями, которые вынес солдат за первый год. Он «отстрадался», и те *молодые*, которых он сам теперь *чморит*, тоже «должны это пройти», чтобы через год получить свои заслуженные права и льготы — такова этическая концепция *неуставняка*: «Год отлетаешь — тащишься, еб твою: свое отработал» (5).

«И причем считалось, — вспоминает один из наших информантов, — что эти <неуставные. — М. Л.> трудности — они как бы укрепляют мужчину, выковывают мужской характер.⁵ И вот что удивительно: мне сейчас уже трудно понять, либо я был настолько уже сам трансформирован этой системой, что мне так казалось, либо это действительно так — но те старые пережили действительно страшный, кошмарный, мрачный период неуставных <...>, когда не было никаких перестроек, никаких публикаций о Сакалаускасе, ничего еще не двигалось, — они были действительно <...> какие-то мощные, здоровые чудовища, они все совершенно мрачно крутились на турнике. Вот это было удивительно — как бы оправдание этой концепции в жизни» (6).

Взглянув на дедовщину сквозь призму концепции «выковывания мужского характера», мы увидим в ней (дедовщине) не только средство регулирования внутриобщинных отношений и поддержания иерархического порядка,

⁴ Более подробное описание неуставной системы отношений и поведенческих норм в солдатской среде см.: Юдин. 1998.

⁵ Заметим кстати, что один из способов унизительно пометить неавторитетного солдата, не вынесшего неуставных испытаний — *лоха* — сводится к присвоению ему атрибутов женского пола:

— У нас были лохи. Вот у нас был лох, который повесился, но его успели снять с виселицы, он жив остался. Когда его застригали, ему оставили вот такую, как, знаешь, вот на письке женской, такой вот треугольник, вот, на голове. Полностью лысый, и такой вот треугольник.

— А кто его застригал?

— Так, ну, кто-нибудь из дедов (8).

но и особую педагогическую систему, в рамках которой взаимоотношения воспитателя и воспитуемого воспроизводят схему поколенно-возрастных отношений, что, в частности, выражено в симметрии наиболее распространенных наименований служащих первый и второй год: *сынки—дедушки, молодые—старые* (отсюда характерный афоризм: «Только в армии молодой хочет стать старым») (3). Такая метафоризация отнюдь не случайна: срок службы солдата — это его социальный возраст. За два года службы солдат-срочник проживает период «детства», когда его только учат,⁶ бьют и заставляют работать; период «юности», когда он уже может позволить себе некоторые вольности и даже, с известными ограничениями, допускаться в компанию взрослых и разделять с ними их «взрослое» времяпрепровождение — известно, что наиболее авторитетные *молодые* участвуют в пьянках своих *дедов*; наконец, достигается полная «зрелость», что ставит солдата уже по другую сторону поколенно-возрастных баррикад. При этом если биологический возраст, в котором новобранец начинает службу, как бы символически аннулируется,⁷ то обретенное в процессе армейского воспитания качество взрослости мыслится как абсолютное и актуализируется в проекции на будущую «гражданскую» жизнь:

Прощай, молодость в шинели;
В казарме юность умерла
И мы заметно повзрослели —
На то и армия нужна (3).

Именно в этом качестве взрослости и отказывается не служившему, он как бы остается вечным юнцом:

... А если ты мужского пола,
Но этих чувств не испытал
Закрой блокнот: ты слишком молод
Не для тебя его писал (2).

⁶ Сами слова «учить», «воспитывать» и производные от них являются неотъемлемой лексической составляющей армейского речевого обихода, а практика обучающих занятий старослужащих с новичками (физическая, строевая подготовка, профессиональная стажировка) имеет почти повсеместное распространение. (Ср., напр.: «Я уже год отслужил, и после года (уже в отпуск съездил) с отпуска приезжаю — меня в карантин, ну, молодых воспитывать. Жратвы куча, гражданки куча, и за нами как-то никто не присматривает, мы сами хозяева. Воспитываем их, там, стрельбой занимаемся, физподготовкой...» (7))

⁷ Сказанное не означает, что реальный возраст новобранца не влияет на его положение в солдатском социуме: как правило, на тех, кто попадает в армию в качестве более старшем, чем обычный призывной, возрасте, неуставные порядки в полной мере не распространяются.

Таким образом, срок службы в армии для мужчины воспринимается как концентрированное время возмужания. Подобно тому как в сказках о посещениях иного мира за 3 дня пребывания человека там — здесь проходит 30 лет, за 2 года армейской жизни молодой человек увеличивает свой гендерный возраст на значительно больший отрезок. «Сейчас мне кажется, что период службы в войсках должен пройти каждый нормальный молодой человек. Это делает его терпеливее и выносливее и как-то компенсирует его “запаздывание” в развитии по сравнению с девушкой-ровесницей. Это мужской опыт. У женщин тоже свой опыт» (4).

Лексика семейных ролей (*сын*, *старший сын*, *дед*) также неслучайна. В целом неуставная педагогика построена по образцу так называемого «мужского», «отцовского» воспитания, предполагающего в качестве основного принципа сочетание строгой взыскательности и всемогущего покровительства. Помимо того что новоприбывшего воспитывает вся община, во многих частях существует и институт индивидуального кураторства. Каждый *дедушка* выбирает себе *духа*, который и становится «его *молодым*», (а тот, соответственно, — «его *старым*»), обучает его неуставному этикету и за результаты своей воспитательской деятельности несет ответственность перед социумом. Если молодой *забурел* (или *охуел*), то есть присвоил себе недозволенные льготы в поведении, то исправить положение может быть предложено именно его патрону-*старому*, причем тем самым последний подтверждает в глазах социума свою мужскую зрелость, отцовскую состоятельность. Тот из старослужащих, кто не *чморит* и не *припахивает духов*, много теряет в глазах своих товарищей-однопризывников и рискует заслужить их презрение и попасть в положение отщепенца. Таким образом, в течение первого года службы солдат должен не только соблюдать все требования, предъявляемые к *молодому*, но и усваивать, на примере своих воспитателей, нормы и конкретные формы поведения старослужащего, готовя себя самого к роли *дедушки*.

Одновременно с этим *старый* обязан опекать своего *сынка*, и если кто-то «незаконно» *напряжет* того, отец-опекун непременно устроит обидчику жестокую разборку. «У меня был свой дембель. Вот меня перевели. У меня Баха — ну, кличка такая — был дембель. А вот на первом этаже, там три человека, — они просто всю часть вот так держали в руках. Это Баха, Банзай, и еще один кореец. И вот. А я был, ну, как, дух Баха. Он меня переводил. Он меня по жопе шлепал. Ну, он меня выбрал сам. Он сам меня выбрал. Вот. И я прихожу в кочегарку... Ну, мы помылись, все, там у нас баня была. И нас дембеля другие зовут. А они, ну, беспонтовые дембеля, лохи. А им дали дембельский аккорд <...> — там вот такой вот слой угля вырос уже в кочегарке — им надо было это все отдолбить и вывезти. И они говорят: “Долбите, вывозите”. Я говорю: “Я не буду. Это дембельский аккорд: вы — дембеля, вы сами делаете, духи не должны за вас”. И он просто кирпич берет — я, это, беру лом, и ему по руке. Ну, просто меня он разозлил, я дал по руке ему ломом. А там ломы всякие, лопаты — и он меня давай кумарить (ну, бить). Ну, а чего я сделаю? Там их, блин, дембелей-то до фига,

блин. Ну, порыпаешься, там. Вот Исай еще за меня встрял — он тоже моего призыва, тоже, ну, там, мы с ним прыгали. Ну, в конце концов мы с Исаем получили пизды, и заходит вот мой дембель, Баха. Он: “Не понял, почему мой дух в крови, ну, мой молодой? Которого я кормлю мясом?!” Как он дал там им, короче, распиздона — просто конкретно, всех прокумарил конкретно» (8).

При этом, что особенно важно, в рамках статичной и консервативной системы регламентируемых *неуставняком* отношений каждый *дедушка* на всем протяжении года воспитания сам регулирует степень человечности отношений со своим подопечным, сам выбирает предпочтительные формы педагогического воздействия, определяет меру жестокости неуставных профилактик и взысканий. *Молодой*, таким образом, как бы находится под покровительством *деда*, который наказывает или милует его по своему усмотрению. «... Очень часто бывают такие пары: кто-то из старых выбирает себе такого любимого караса... сначала любимого стажера. А потом, когда они сближаются, он ему нравится, — он его берет под свою защиту, под свою опеку, посылает только по своим делам каким-то, по своим, там, маякам⁸ — маяк купить, там. Потом, когда он маяк покупает, он его приглашает, сажает...» (6).⁹ Когда же до увольнения дембеля остаются считанные недели, а его молодой уже сам становится старым или приближается к этому моменту, отношения между ними нередко переходят в стадию приятельства. «... В принципе уже такое мирное время, как бы немножко умиротворенное, не ожесточенное: новые духи еще не пришли, а старых карасей уже перевели в черпаки. Работают только вообще караси, те, кто являются карасями сейчас. А вот между молодыми лимонами и их бывшими старыми устанавливается такая вот дружба, они сидят вместе, пьют чай, там, старые рассказывают... <...> Начинают хаять устав, там, говорят, по уставу жить хуево...» (6).

Характерен для неуставной армейской педагогики и традиционно мужской принцип вербального воспитания на эпических образцах (параллельный женский вариант — на жизненных примерах). Мы имеем в виду рассказы *старых* о дедовщине прежних лет и ее героях, как правило, однако, служивших на веку рассказчика: историческая память солдатской общины достаточно коротка. Приведем иллюстрацию. «... Старые рассказывают: “Вот у нас, например, тоже с таким уважением <молодые их> слушают, — Брыня. Ой, Брыня был старый... Никогда мимо не пройдешь, чтобы по ноге не заебошил. Обязательно. <...> Вот был Шкалдыга: Шкалдыга, по крайней мере, отпиздит — и всё; и

⁸ *Маяк* в лексиконе данной военной части: съестные продукты, приобретаемые солдатом самостоятельно и употребляемые в свободное время в дополнение к казенному питанию.

⁹ По сообщению С. А. Штыркова, в части, где он проходил срочную службу (конец 1980-х гг.), «индивидуальный подход» к новичкам со стороны старослужащих возбранялся неуставными порядками во избежание появления у *дедов*: «любимчиков»: таким образом декларировалась беспристрастность *дедовщины* как воспитательной системы.

успокоится. Он быстро... Он не хуево тоже пиздил, но быстро, по крайней мере. А Брыня — он маленький, як комар, вообще, маленький; он, блядь, будет пиздить по ногам — и все по ногам, все по ногам, пока сам не заебется. Так что Брыню еще больше боялись, чем Шкалдыгу» (6).

Сообщение необходимого опыта в данном случае совершается как конструирование идеала, явленного в прошлом и недостижимого в настоящем. Идеал этот не всегда оценивается однозначно положительно, но в качестве идеала и не нуждается в оценках: он непреложно освящен статусом «преданья старины глубокой» и привлекателен, даже если пугает. Приписываемая легендарным *дедам* жестокость и изощренность в *чморении (мрачность)* — а в таких рассказах акцент, как правило, делается именно на этих характеристиках — образцовая, виртуозная жестокость, жестокость уже ушедшая или уходящая в прошлое. Педагогическая идея таких текстов по крайней мере двояка: с одной стороны, умалить опыт посвятительных страданий своих *сынков* в сравнении с собственным и тем самым психологически облегчить им необходимость его претерпевания («Ваша служба че, вот мы тащили службу!..» (6)), с другой — продемонстрировать действенность и полезность такого рода закалки на собственном примере.

Эта же прагматика присутствует и в тех рассказах о неуставных отношениях, в которых акцент делается не на характеристиках старослужащих времен суровой дедовщины, а на самих «тяготах и лишениях» тогдашнего *неуставняка*, особенно заметных в сравнении с нынешним, и собственной выносливости и изворотливости, позволявших эти трудности достойно переносить. «А был вот, например, один парень, на полтора года меня старше, который рассказывал вообще какие-то совершенно невероятные вещи <...>. Потому что сила приказа старого — что-то совершенно невозможное просит, но сила приказа и сила обстоятельств такова, что выполняется, вот как в сказке. Какие-то вот совершенно то ли чудовищные усилия, то ли чудовищные силы мобилизуются в организме. Он говорил: «<...> Ну, ни хуя вы не летаеете <...>. Вот ты банку сгущенки спиздил. Разве это спиздил? Меня один раз ночью подняли — столовая закрыта, склад закрыт, — говорят: «Спизди сгущенки, иначе вообще, там, в общем... мраки будут, мраки устроим, там». Я им целый ящик притащил». И я его не спрашивал, как он это сделал: таким вещам нельзя не верить» (6).

Помимо «выковывания мужского характера» армейская субкультура формирует в сознании юношей систему гендерных представлений. Свою роль здесь играют и альбомные стихотворения и афоризмы, немалая часть которых посвящена тематике межполовых отношений.¹⁰ При этом нужно учитывать, что армейский фольклор легко жонглирует стереотипами, и если попытаться на основании этих текстов сконструировать некую сум-

¹⁰ Анализ текстов из солдатских альбомов см.: Райкова. 1994.

¹¹ Ср., напр., две сентенции о ценности армейского опыта: «Армия — это школа жизни, которую лучше пройти заочно» и «Кто был студентом — видел юность, / Кто был солдатом — видел жизнь» (3), — легко уживающиеся в рамках одного альбома.

марную мировоззренческую позицию, то картина получится сложная и во многих отношениях противоречивая.¹¹ Так, солдат-срочник предстает то разгульным бабником, пьяницей и драчуном, то суровым страдальцем, у которого в душе «столько ран». Фольклорный текст порой вообще выводит такие атрибуты мужского поведения, как секс и употребление спиртного, за пределы армейского существования, противопоставляя их действиям-маркерам «уставных» испытаний:

Не тот мужик, кто был женат,
А тот мужик, кто был солдат.
Не тот мужик, кто с бабой спал,
А тот мужик, кто плац топтал (1), —

то объявляя эти занятия попросту недоступными для солдата:

Армия — это лекарство
От любви и пьянства (1).

Однако система традиционных для этой субкультуры форм вербального и невербального поведения репрезентирует армейскую жизнь как своего рода школу маскулинности, в качестве основных составляющих которой выступают все те же «любовь и пьянство». Неограниченные возможности проявления себя в том и в другом относятся в сферу ожидающей каждого солдата «гражданской» жизни после службы:

Поверь мне друг наступит время
Не будет лычек и погон
И где-нибудь в объятьях женщин
Бухать мы будем самогон (3), —

и солдат, пройдя эту школу, демобилизуется подготовленным к ситуации своей гендерной ангажированности.

В солдатской среде чрезвычайно ценятся рассказы об эротических похождениях до дрязва, и умелые рассказчики пользуются популярностью как среди однопризывников, так и в кругу старослужащих, что может повысить их авторитет. Особенный вес имеют фотографии девушек: они одновременно питают воображение солдат и выступают в роли документальных свидетельств имеющих (или имевших) место отношений.¹²

Что касается сексуальной практики в жизни солдат, то любовницами их в основном становятся девушки из ближайшего населенного пункта или

¹² Так, один мой знакомый во время отпуска целенаправленно разговорился на пляже с девушкой, попросив предварительно автора этих строк сделать за время их беседы ряд фотоснимков, которые он сможет предъявить сослуживцам по прибытии в часть.

города; в котором расположена военная часть, а также работающие в части штатские женщины (секретарши, телефонистки и т. п.), иногда — жены прапорщиков и офицеров. Рассказы о сексуальном опыте периода армейской службы (отнюдь не всегда далекие от реальности) воспроизводят вполне определенный набор мотивов. Проиллюстрируем некоторые из них.

Мотив безудержной солдатской похоти связан с темой «полового голода» служащих. «У нас вокально-инструментальный ансамбль был, и нас пригласила там швейная фабрика какая-то — ну, мы у них устраивали дискотеку, играли. Ну, рота солдат, диких, — ну они уже готовы были прямо в зале, где дискотека, там... Если еще подвыпивши...» (7).

Мотив сексуальных оргий в части. В рассказах такого типа эксплуатируется набор соответствующих повествовательных позиций и речевых клише: местом действия служит грязное служебное помещение (котельная, каптерка, кухня), женщина «идет по рукам» и ее доводят до полного изнеможения, акцентируется грубость солдат в обращении с коллективной любовницей, соития сопровождаются возлияниями и т. п. «Вот у нас был случай. Пришла девочка, а мы сидели на КПП. Мы просто ее позвали, а она сама подошла. И все. Она обеспечила 15 человек. Подряд. По несколько раз. Вот только с ужина пришел, в каптерку захожу — там вонь невыносимая. Я честно говорю: я не стал. Ну, все пацаны... <...> Ну, она уже ходила уже фигово» (8).

Мотив изощренного цинизма солдатских развлечений с женщинами (своего рода «гусарства» в духе анекдотов о поручике Ржевском):

— И я всегда слышал, как, ну, когда в часть заводят, и там ее... прошла, там, через руки, и потом ее голую одевают — ремень, штык-нож — ставят на тумбочку, заставляют стоять. Я вначале думал, это байки, но когда я воочию это увидел — голая вот так с ремнем стоит... Это просто прикол какой-то, вот так ставить голую девчонку на тумбочку, вот так одеть ремень со штык-ножом... (7)

— Не, а у нас не на тумбочке стояла, у нас кухонный стол, ну, кухонные столы, и три девчонки на нем плясали, вот в этих тоже, в кожаных ремнях, значит, с этими. И они начали плясать на этих столах. А я ответствен-

¹³ Эти же модели воспроизводятся и в литературных описаниях сексуального быта солдатской и офицерской среды:

Среди ночи в котельную дверь отворяю — «Playboy»!
На крючок бы закрылись, топчан заташили б за шкаф,
потушили бы лампу!.. В одних сапогах рядовой
Бурлаков... Кладовщица, его оседлав...

(Пурин. 1994. С. 71).

Сходство устных автобиографических рассказов и литературных описаний объясняется, на наш взгляд, не только влиянием «армейского мифа», но и специфической прагматикой повествований о «солдатском флирте», заставляющей их тяготеть к гротеску. Приведем два характерных фрагмента повести Александра

ный по кухне, я говорю: «Девчонки, потише». И они давай плясать, и они один стол сломали. Мы наутро его делали (8).¹³

Таким образом, солдат-срочник за период службы, делом или словом, осваивает «эротический текст» мужского сообщества, получает пакет гендерных стереотипов и «ноу-хау», необходимых в ожидающей его «гражданской» жизни: как гласит один из солдатских афоризмов, «полтора года нас готовят для войны, а мы себя готовим для гражданки» (2).

В этом плане очень показательна известная в армейской (как и в криминально-тюремной) среде практика «усовершенствования» полового члена. Наиболее распространенный метод — вживление под кожу крайней плоти (или непосредственно в плоть головки) небольших яйцеобразной или круглой формы тел из оргстекла или пластмассы (*загнуть шары*). Считается, что после такой операции мужчина сможет доставить гораздо больше удовольствия своей партнерше за счет увеличения диаметра головки пениса, которая при этом становится неровной и более жесткой. По рассказам, вместо шаров могли использовать *шпалу* — продолговатую деталь, «равноценную» двум шарам; изготавливают также специальные *усы*, есть и другие способы. Совершение и обсуждение подобных операций, как правило, носит в той или иной мере коллективный характер, т. е. обретает определенное социальное, тоже в известном смысле посвяtitельное, значение: «... Мне один парень, который сам был специалистом загонять шары, который, видимо, имел загнанный шар и у себя, он говорил: "Зато потом бабе

Покровского «Фонтанная часть»: «Это удивительно, до чего у нас в поселке любили половые отношения. Во всяком случае, жены начальников искали лейтенантов, и лейтенанты кормили их морковью, лили им воду на мельницу, крутили им жернова и мылили их всячески, столпившись вокруг одной норки, опускали туда свои мармышки и, сощерившись, выдергивали, опускали и выдергивали, а начальники потакали женам лейтенантов и открывали перед ними грандиозные сексуальные дали, отчего впоследствии совершенно забывали о собственных женах, которых запирали, уходя, на ключ на втором этаже на два дня и которые вылезали из окна по веревкам, и их внизу подхватывали на мохнатые руки и несли до ближайшего подвала, где они отплясывали на столах (ией-ух!), заливаясь серебристым многодневным смехом, и отдавались всем подряд...»; «И первый же матрос, которого удастся обнаружить, смертельно пьян и приклеен между чудовищными титьками у пожилой доярки — она так с ним везде и ходит, его никак не оторвать...» (Покровский. 1996. С. 160–161, 167–168). Ср. также рассказ Михаила Веллера «Легенда о морском параде»: «И бедных маляраш, размягченных и осоловевших от военно-морского гостеприимства, извлекают из таких мест корабля, по сравнению с которыми шляпа фокусника — удобное и просторное жилище: из шкафчиков, закутков, рундуков, шлюпочных тентов, вентиляционных шахт, топливных цистерн и водяных емкостей» (Веллер. 1994. С. 172). На этом же мотиве «сексоцентричности» армейского быта и менталитета построена ироническая линия фильма Петра Тодоровского «Анкор, еще анкор!».

только ногти надо обрезать, чтобы спину не расцарапала, когда тащиться будет», — дескать, так они будут тащиться» (6).

В противоположность сектантам-скопцам, отсекавшим себе грешные уды, дабы на будущее избавиться от соблазна и самой возможности плотского греха, солдаты-срочники культивировали гениталии, проецируя (что отражено и в приведенном выше тексте) обретаемое сексуальное могущество на предстоящую *гражданскую* жизнь настоящих мужчин: «У нас парень вот, при мне, Макар, — он вот в предвкушении, что поедет домой, бабу будет плятить, он себе вгонял шарики. Ну, асбест, или чего там, — шары вгонял» (8).¹⁴

Тезис о том, что армия — мужская школа жизни, которую должен пройти каждый, активно поддерживался в советское время средствами государственной идейно-политической пропаганды. Однако в официальных текстах актуализируется прежде всего гражданско-патриотическое значение этой распространенной сентенции — обретение юношей комплекса качеств защитника Отечества, тогда как идеология, бытовые, коммуникативные и ритуальные практики самой армейской (солдатской) субкультуры следуют прагматике воспитания маскулинности и мужского гендерного самосознания. Наиболее ярко и лаконично это мерцание смыслов выражено в нередко обыгрываемой двусмысленности песенных строк «Здесь мальчики становятся мужчинами под звучные команды старшины».

И одним из результатов реализации всего комплекса армейских воспитательно-посвятительных мероприятий становится (в «стандартном» случае) обретение солдатом на момент увольнения в запас специфического ощущения «повышенной концентрации» своего мужского качества и несомненной востребованности этого качества. Возвращаясь со службы, солдат не сомневается в своей гендерной ангажированности: «Я, когда пришел, тоже, как это... как сказать — кидался тоже на всех так. И мне казалось, что всё: как это они меня не будут любить?! — потому что я вот с армии пришел, я такой-то сякой вот. Чего-то вот клинило, вот чего-то вот клинило. А потом подумашь: Господи, боже мой!..» (7).

ПРИМЕЧАНИЯ:

Источники:

- 1 — блокнот солдата Танковых войск (1998–2000).
- 2 — блокнот солдата Воздушно-десантных войск (1994).

¹⁴ Ср. у Покровского: «А на большом противолодочном корабле “Адмирал Перепелкин” перед гигантским строем старпом выводил трех матросов, которые в погоне за половыми успехами раскрыли себе головки членов и вшили туда стеклянные шарики, и все это без всякого наркоза» (Покровский. 1996. С. 182).

3 — блокнот солдата Ракетных войск стратегического назначения (1994).

4 — ответы на вопросы анкеты «Армейские ритуалы и фольклор» (сост. Е. Кулешов, М. Лурье) студента географического факультета СПбГУ, проходившего срочную службу в Вооруженных силах в 1988–90 гг.; заполнял анкету в 1998 г.

5 — интервью (анонимное) с солдатом Железнодорожных войск (второго года службы), 1997 г.

6 — интервью с Д. Датешидзе, проходившим срочную службу в Вооруженных силах в 1988–90 гг.; записано в 1991 г.

7, 8 — интервью с С. Барановым, проходившим срочную службу в Вооруженных силах в 1988–90 гг. (7), и В. Безъязыковым, проходившим срочную службу в Вооруженных силах в 1998–2000 гг. (8); записано в 2001 г.

Литература:

Веллер. 1994 — Веллер М. И. Легенды Невского проспекта. СПб., 1994.

Покровский. 1996 — Покровский А. М. «... Расстрелять!»: Часть вторая и прочие части: Рассказы и повести. СПб., 1996.

Пурин. 1994 — Пурин А. У двери котельной // Пурин А. А. Евразия и другие стихотворения. СПб, 1994.

Райкова. 1994 — Райкова И. Н. Фольклор современных солдат: идейно-художественное своеобразие и отношение к детскому фольклору // Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов / Сост. С. Г. Айвазян. М., 1994. С. 73–101.

Юдин. 1998 — Юдин А. В. Семиотичность и ритуализованность поведения военнослужащих срочной службы Советской Армии (первая половина 80-х годов) // Живая старина. 1998. № 2. С. 29–32.